

Бессрочный мораторий «О временном запрете на клонирование человека» как признак «нового Средневековья»

А. С. Акопян^{1,2}

¹ — Республиканский центр репродукции человека и планирования семьи МЗ РФ, г. Москва

² — Национальный этический комитет Российской медицинской ассоциации, г. Москва

В мае-июне 2007 г. истёк срок федерального закона, формально налагающего запрет (мораторий) на несуществующее пока явление — клонирование человека. В 2009 г. мораторий был продлён в той же редакции уже не на очередной срок, а фактически бессрочно, вплоть до его отмены специальным законодательным актом. В целом такой подход не характерен для юридической формы моратория, используемой в качестве инструмента временного запрета, автоматически прекращающего своё действие по истечению оговоренного срока. Ранее такой «превентивный» подход в законодательном регулировании технологий не применялся. Тем не менее, парламенты более 50 государств, под влиянием «озабоченной общественности» приняли законодательные акты сходного содержания, носящие более идеологический, нежели медико-правовой характер. Последние, правда, пока ни разу не получили повода для правоприменения.

Тем не менее, открытие феномена репрограммирования ядра соматической клетки, перенесённого в энуклеированный ооцит, имеет большое значение для биомедицины и сельского хозяйства. Методика позволяет получать как идентичные прототипу линии стволовых клеток, так и обеспечивать рождение животных, генетически идентичных исходному образцу.

Несмотря на крайне низкую частоту рождений жизнеспособных животных, после переноса таких эмбрионов в матку, требующих для единичного успеха десятки донорских маток и сотни реконструированных эмбрионов (NT — эмбрионов), уже получен ряд клонированных животных: мышей, крыс, кошек, кроликов, овец, лошадей, мулов, не уступающих прототипу. Актуальной задачей фундаментальной и прикладной науки является дальнейшее изучение

феномена репрограммирования ядра соматической клетки, механизма эмбриональной индукции и супрессии генов тотипотентности, в том числе у человека. Вопрос о допустимости работы с человеческими эмбрионами на ранней стадии развития, особенно в части использования стволовых клеток человека, стал одной из основных тем общественных и клирических дискуссий.

В настоящее время основными источниками стволовых клеток являются эмбрионы на ранней стадии развития (бластоциста/преэмбрион).

Известно, что именно эмбриональные стволовые клетки (ЭСК), обладают наиболее широкими возможностями дифференцировки.

Помимо этической дилеммы допустимости разрушения человеческого эмбриона ради «общественного блага» (развитие науки, разработка новых методов лечения), использование эмбрионов, специально созданных для исследовательских целей, порождает ещё большие этические сложности, поскольку предполагает создание эмбриона, который заведомо будет уничтожен.

Конвенция о правах человека и биомедицине (Страсбург, 1996 г.) — полноценный документ с позиций повышения уровня защиты «индивида, общества и вида» от возможного негативного влияния новых биотехнологий, в России пока не ратифицированный, запрещает создание эмбрионов человека в исследовательских целях. Относительно возможности проведения исследований на эмбрионах, созданных в процессе лечения бесплодия, Конвенция требует, чтобы в тех странах, где такие исследования разрешены национальным законодательством, эмбриону была обеспечена надлежащая защита от вмешательства, «унижающего достоинство».

Открытие *Campbell K. H. S.* и *Wilmot I.*, связанное в общественном сознании с демонстрацией овцы Долли (удалась 279 попытка), заключалось в выявлении новых возможностей клеточной дифференцировки ядра соматической клетки путём физико-химического воздействия на питательную среду и клеточную мембрану на разных фазах клеточного цикла. Инициированная СМИ, политиками, религиозными деятелями, кинематографом реакция общества на это открытие, стала демонстрацией самозащиты от страха вмешательства в собственную сущность, вылилась в разработку и принятие законодательных ограничений на клонирование, к которым присоединились, дабы быть не хуже, сначала большинство стран членов Совета Европы, потом другие страны, включая Россию. Фактически впервые в науке был наложен запрет на то, что ещё не состоялось, причём на международном уровне (сегодня более 50 государств). Первый в этом ряду закон был принят в январе 2001 года в Великобритании, где состоялось открытие. Британский закон в своём полном названии утверждает **запрет на перенос в матку женщины человеческого эмбриона**, полученного иначе, чем слиянием половых клеток (фертилизации). Лицо, которое поместило в женщину такой эмбрион (или клеточную конструкцию, состоящую из энуклеированного ооцита и ядра любой соматической клетки до начала процесса деления — собственно эмбриогенеза), является виновным в преступлении и подлежит наказанию сроком заключения до 10 лет или денежным штрафом, или сочетанием тюремного заключения и денежного штрафа. Оговаривается, что слушания по данному преступлению могут быть назначены только по представлению и при участии Генерального прокурора. Закон распространяется на всю территорию Великобритании. В качестве **короткого названия** закон предлагается цитировать как **Человеческий репродуктивный закон 2001 г. о клонировании**. Этот Закон, как и аналогичные, за 10 лет, по прямому назначению пока ни разу применён не был в связи с отсутствием прецедента события преступления.

Несмотря на широкое применение в обсуждениях термина «клонирование человека», сама статья английского закона, составляющая его суть, это определение не использует. **Людьми** (человеком), согласно принятым биомедицинским воззрениям и принципам, утверждённым в основополагающих документах ООН, в частности Всеобщей декларации человека (1948 г.) являются **родившиеся человеческие существа**. Человек обретает права личности, становится носителем правосубъектности с момента рождения.

В Российской Федерации (РФ) законодательно закреплён подход к понятию «человек». В соответствии со ст. 17 Гражданского кодекса РФ правоспособность человека (то есть способность иметь права) возникает в момент его рождения. В РФ каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве, не запрещены аборт по желанию женщины (ст. 36 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан).

Приказ Минздрава РФ от 26.02.2003 № 67 «О применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) в терапии женского и мужского бесплодия» допускает при многоплодной беременности уменьшение числа развивающихся эмбрионов (плодов) — редукцию эмбрионов — после проведения успешного экстракорпорального оплодотворения (по медицинским показаниям и с согласия беременной).

В результате правосубъектность так называемых nasciturусов в РФ не признаётся (за исключением статей 1088, 1089, 1116 Гражданского кодекса, предоставляющих права зачатým детям при условии рождения их живыми). Убийством ребёнка признаётся лишение жизни плода во время или после родов (ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В российском законе от 20 мая 2002 г. № 54 ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» это понятие вынесено в название. Словосочетание «клонирование человека» далее переходит непосредственно в текст Закона. Из статьи 2 Закона, посвящённой основным понятиям, получается, что **клонирование человека** — это его создание <?>... «путём переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека». Таким образом, предметом запрета становятся сами манипуляции с клеточным материалом, который фактически получает человеческий статус. При этом по устоявшейся практике, хорошо прописанной и обоснованной в отраслевых этических рекомендациях, манипуляции до 14 дня эмбрионального развития не запрещены. В тексте российского закона вообще ничего не говорится собственно о составе преступления — переносе эмбриона в матку женщины. Учитывая завершение в мае 2007 г. времени действия 5-летнего моратория, предусмотренного статьей 1 Закона, мнение законодателей и специалистов о необходимости определиться в терминах, т. е. создать **гlossарий**, ведущейся работы по составлению терминологического **словаря** для практики клеточных технологий (журнал «Клеточная трансплантология и тканевая инженерия» № 4, 2006 г.) признавалась целесообразность внесения соответствующих поправок в федеральное законодательство, что реализовано не было. Тем не менее,

формулировки, принятые в Законе в существующем виде, дают формальные логические основания для ревизии и разночтения принятых и давно действующих норм, возникающих при законодательном регулировании права женщины на прерывание беременности, в акушерской практике, практике применения ВРТ, репродуктивных прав, а также других несоответствий, связанных с неразрешимостью на сегодняшний день вопроса о статусе эмбриона.

Умозрительна и оторвана от жизни ст. 3 российского закона (моратория) о ввозе и вывозе клонированных эмбрионов человека. Не определена ответственность и её характер. В частности, не ясно — *зачем их вообще нужно транспортировать, как доказывать, что они клонированы, как хранить доказательства, если для манипуляций с половыми клетками и ранними эмбрионами требуется оптическое увеличение в 200–400 раз и особые условия хранения?* Имеющиеся в разных лабораториях мира линии стволовых клеток, включая содержащие «дефектные» гены, сегодня вполне доступны как для коммерческого, так и некоммерческого оборота.

Следует отметить, что в Основах законодательства РФ об охране здоровья граждан (ст. 35), действующих с 1993 года, прямо указывается, что незаконное проведение искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона влечёт за собой уголовную ответственность, установленную законодательством РФ. Однако данная норма также носит декларативный характер: какой-либо специальной ответственности Уголовный кодекс РФ по этому вопросу не содержит.

На сегодняшний день воспроизводство человека, генетически идентичного другому, отсроченное во времени, путём переноса ядерного материала соматической (взрослой) клетки в энуклеированную яйцеклетку, затем в матку, пока не состоялось. Однако, по аналогии с высшими млекопитающими, можно предположить рождение такого человека в любое время, как и предполагать отсутствие такого рождения в течение ближайших десятилетий, в том числе в связи с потерей актуальности.

В случае развивающейся беременности и рождения жизнеспособного ребёнка у информированной пары с обоюдным бесплодием, с молекулярно-генетическим подтверждением отсутствия мошенничества или подлога, этому вряд ли что-то реально удастся противопоставить в силу других, давно действующих законодательных норм, широко используемых в повседневной практике. Угроза уголовной ответственности преступлений, как известно, не останавливает.

Останутся ли эти законы в международной правовой практике орфанными актами, т. е. «законами-сиротами» — покажет время. Тем не менее, сам факт попытки законодательного регулирования несостоявшихся явлений скорее повышает статус возможного мошенничества по отношению к бесплодным парам, нежели выполняет регулирующую функцию.

В целом представляется, что международный законодательный запрет на клонирование человека чрезмерен по масштабности (в нашем случае хватило бы поправки в Уголовный кодекс), и имеет более политико-религиозный, нежели медико-правовой и естественно-научный характер.